Радек

Жизнь и дело Ленина

3 с

ЛЕНИНСКАЯ

К. РАДЕК

ЖИЗНЬ И ДЕЛО ЛЕНИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

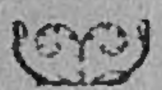
БИБЛИОТЕКА

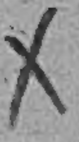
ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

К. РАДЕК

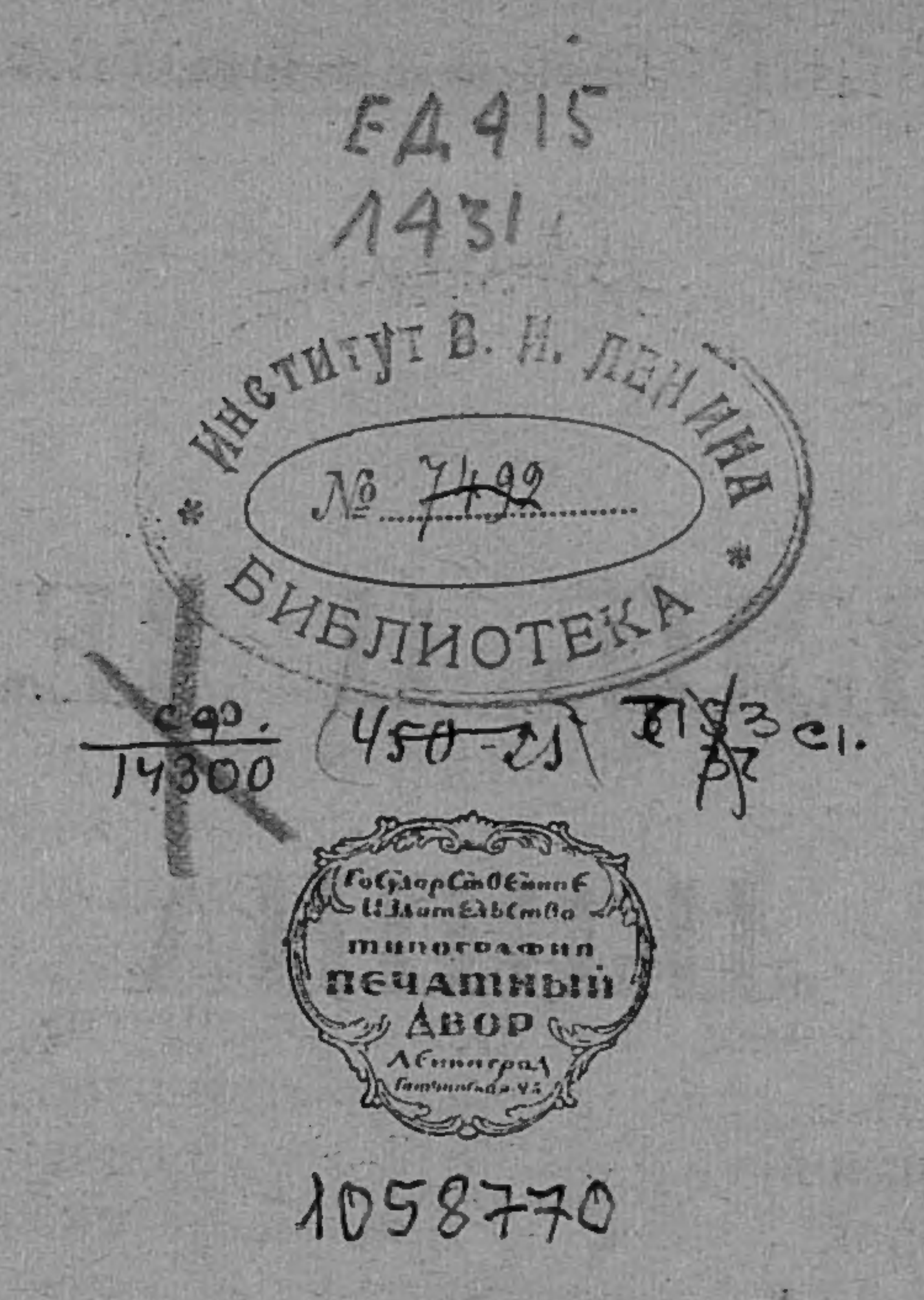
ЖИЗНЬ И ДЕЛО ЛЕНИНА

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД 1925 МОСКВА

Гиз № 16605. Ленинградский Гублит № 21508. 3½ л. Отпеч. 50000 экз.

В первый раз в истории человечества весть о смерти политического деятеля не только облетит весь мир, но заставит вздрогнуть сердца миллионов людей всех стран и всех наций. Есть страны, в которых плакать будут по нем миллионы, в других только сотни тысяч, в третьих, быть может, только горсточки людей, но не будет ни одной нации, в которой в день 21 января не сказали бы себе люди: «Умер наш вождь».

Все буржуазные революции имели международное значение не только потому, что всякая из них потрясала основания сложившегося международного соотношения сил, не только потому, что всякая из них будила мысль тем, что в ней было прогрессивного, что в ней было шагом вперед, но и потому, что во всех буржуазных революциях наиболее передовые элементы хотели выйти из рамок своей нации, из рамок стремлений, очерченных границами одной земли. Во время

английской революции маленькая группа коммунистов, которая мечтала о новом тысячелетии человеческого счастья, доходила даже до того, что проповедовала войну против капиталистической Голландии и готовилась нести свою коммунистическую веру далеко за пределы канала Ла-Манш. Во время французской революции борьба против монархии вызвала у многих борцов, с Анахарсисом Клоотсом во главе, чувство международности, чувство необходимости международного низвержения монархии и феодализма. И революционные движения буржуазии одних стран вызывали сочувствие у передовых элементов буржуазии других стран. Но это было только сочувствием.

Буржуазные революции происходили в период, когда экономический уровень разных стран настолько был отличен друг от друга, что всякая *буржуазная* революция являлась *национальной* революцией. Она не могла выйти за пределы своей страны. Мало того, именно потому, что революция была буржуазной, она стремилась к доставлению преимуществ одной нации и потому не могла вызывать в других чувства солидарности. Английская революция угрожала господству голландской буржуазии. Французская рево-

люция, которая несла на своих штыках освобождение от ига феодализма, одновременно угрожала германскому народу национальным растерзанием и принуждала даже тех, которые становились на ее почву и понимали ее величие, обращаться против нее для борьбы за независимость своей страны. Поклонники французской революции в Германии, Гнайзенау и Шарнхорст, были одновременно организаторами борьбы за освобождение Германии от ига Наполеона.

Русская революция — первая победоносная пролетарская революция — могла быть пролетарской именно потому, что развитие капитализма не только докатилось до гор Урала и до вершин Кавказа, но и до берегов Тихого океана. Капитализм, создавший условия пролетарской революции в отсталой России, сделал русскую революцию застрельщиком международной революции. И когда разгорелся факел русской революции, то он осветил весь мир и светит всему миру, охватывая пламенем сердца миллионов людей всего мира. И германский рабочий, узнающий о днях, которые потрясли вселенную, из книги и газеты, и китайский кули, узнающий о русской революции в кабаках Сан-Франциско из разговоров с английскими ма-

тросами, и мексиканский рабочий, борющийся против своих феодальных господ и против американской плутократии, и индийский крестьянин, к которому весть о русской революции проникла при посредстве враждебных телеграмм Рейтера, — всякий из них думал свою думу о великой русской революции, как о *своей*, как о начале своего освобождения.

Знаменосец русской революции — Ленин сделался знаменосцем мировой революции, сделался символом *новой эпохи в истории человечества*, эпохи освобождения труда, эпохи борьбы рабочего класса за воссоздание мира на новых началах. Смерть Бебеля вызвала скорбь в миллионах рабочих Европы, но не могла потрясти пролетариат и крестьянство всего мира, ибо германская с.-д. не переросла основ капиталистического мира. Смерть Ленина потрясет эти миллионы, заставит их задуматься над пройденным путем и над тем тернистым путем, который еще лежит перед нами, который придется прочистить секирой и пройти в великом труде. Ленин поднял знамя восстания против мирового капитала. Вот почему смерть его объединит скорбью всех, кто борется против ига буржуазии.

Смерть Ленина даст громадный толчок пролетарской мысли всех стран. Во всех странах пролетарии учились сражаться по обрывкам мысли Ленина, которые доходили к ним в наших листовках и резолюциях. Проверяя эти мысли на своем опыте и видя в них правду своей жизни, они были спокойны, они знали, что у руля корабля международной революции стоит этот гений международного пролетариата. И они доверялись его руководству. Теперь его нет. И всех, кто думает в рядах рабочего движения, заботит теперь в первую очередь мысль, как изучить жизнь и дело Ленина, как найти в его книгах оружие для своей борьбы, как научиться самостоятельно владеть этим оружием. Нет ничего более показательного в этом смысле, как слово одного немецкого коммуниста, сказанное после получения известия о смерти Ленина: «Не давайте нам избранных сочинений Ленина, дайте нам на главных европейских языках *все сочинения Ленина*, чтобы мы *собственной работой* могли усвоить его мысль и его метод».

Минует много лет, пока мы сможем поставить этот памятник Ленину хотя бы в главных странах рабочего движения, пока мы трудами о жизни и деле Ленина сможем

помочь европейским рабочим охватить все его наследство: а пока задача коммунистов состоит в том, чтобы хоть в самых общих чертах дать картину исторической роли Ленина, дать костяк его мысли.

I. Ленин как основатель первого пролетарского государства.

Учение Маркса записано в книгах, им созданных. Переписка его — достаточный комментарий к его сочинениям. Ленин оставил десятки томов. Когда будет собрана его переписка, она даст новые десятки томов. Но *главный комментарий к учению Ленина, это — дело Ленина*, это — труд его, создание коммунистической партии в России и борьба этой партии за власть. Это—методы, при помощи которых пролетариат ее удержал в самых неслыханных условиях, это—методы, которые Ленин завещал русскому пролетариату, не только как средство удержания власти, но и как средство решения задач, во имя которых рабочий класс России брал власть в свои руки.

Маркс принимал участие в революции 48 года в Германии. Но при слабости пролетарских элементов в ней он не мог играть

решающей роли. Да и самая революция 48 года в Германии была историческим выкидышем. Она пришла слишком поздно, чтобы победить как буржуазная революция, и чересчур рано, чтобы быть возглавленной пролетариатом. За революцией 48 года последовали десятилетия реакции, в которых Маркс мог быть только зрителем, изучающим механику буржуазного мира. На смену этой реакции пришла эпоха национальных войн, в которой пролетариат снова не мог быть руководящей силой, благодаря чему и Маркс не мог играть руководящей роли. После засветил на горизонте метеор Парижской Коммуны. Только гений Маркса мог понять смысл этого краткосрочного явления. Но снова не могло быть и речи о руководящей роли Маркса.

После Парижской Коммуны и до самой смерти Маркса в Европе воцарилась реакция. Революционные задачи буржуазии были на Западе разрешены. Пролетарии же несмело и медленно начали заново строить свою армию. Собирались они маленькими группами в разных странах, робкие их движения не могли быть руководимыми с одного места. Весь гений Маркса исчерпался в изучении основных законов, движущих развитие буржуазного мира и связанного с ним пролета-

риата. Он не мог проверить себя в огне гражданской войны, как гений-руководитель революции.

Ленин стоит обеими ногами на почве учения Маркса, которое он понял *глубже и самостоятельнее*, чем кто бы то ни было из его учеников. Но Ленин с первого дня своей жизни приготовлялся *к роли практического руководителя коммунистических революций*. Вся его жизнь ушла на разработку задачи, решенной только в 1917 г.: *на подготовку великого прорыва фронта международной буржуазии, совершенного в октябре 1917 г.* Весною этого года минет 30 лет с тех пор, как молодой Ленин в своей работе «Что такое друзья народа» написал:

«На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение, и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во *главе всех демократических эле-*

ментов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат *(рядом с пролетариатом всех стран)* прямой дорогой открытой политической борьбы к *победоносной коммунистической революции»*.

Изучение науки Ленина о коммунистической революции требует, в первую очередь, изучения *пути Ленина*, как *руководителя борьбы русского пролетариата за власть*.

Всех поражала неслыханная уверенность, с которой Ленин выступал как политик, как руководитель пролетарской партии. Одни приписывали эту уверенность *властному характеру*, который делал его прирожденным вождем. Другие видели источник уверенности Ленина в его непоколебимой вере в социализм. Но властная воля не только объединяет людей, но и отталкивает их, когда историческая проверка доказывает, что она направляет себя и направляет других по ложному пути. Сила Ленина, как вождя, состояла в том, что его товарищи по партии всегда убеждались, что воля его двигает их по верному историческому пути.

Этот верный путь он не мог находить в вере в социализм. В социализм веровал непоколебимо и вождь английских реформистов Кейр-Гарди, который вел английский проле-

тариат по ошибочному пути; в социализм веровал глубоко и Жан Жорес — вождь французского реформизма; в социализм веровал глубоко чистейший человек II Интернационала, Виктор Адлер, приведший австрийский пролетариат к трясинам социал-патриотизма. Но ни один из названных людей не выдержал исторической проверки, несмотря на всю свою веру. Социализм не является религией, социализм является наукой в условиях победы пролетариата. *Железная уверенность Ленина имела своим источником то, что он, как ни один из учеников Маркса, продумал его науку* об обществе, что наука эта вошла в его кровь, что он применял ее, как ни один из учеников отца научного социализма. Занятый практическим делом создания пролетарской партии в России и ее руководством, Ленин оставил очень мало трудов, посвященных общим основам учения Маркса. Но достаточно вдуматься в то, как Ленин в названной своей юношеской работе ставит вопросы исторического материализма, достаточно сравнить его постановку вопроса с постановкой той же проблемы в работах Плеханова и Каутского этого времени, чтобы видеть, как самостоятельно Ленин разрешает вопросы марксистской теории. Две-три его

странички, казалось бы, совершенно случайные, посвященные различию между диалектикой и эклектицизмом в его брошюре, изданной во время дискуссии о профсоюзах, показывают, как скромен был Ленин, когда он называл себя учеником Плеханова. Ленин был великим самостоятельным марксистским мыслителем. И это являлось предпосылкой, которая позволила этому сильному, как сталь, человеку сделаться руководящим политиком международного пролетариата.

Ленин как мыслитель, Ленин как политик русской революции вырос в обстановке, которая ставила *вопросы революции как вопросы практической борьбы*. Это позволило ему сразу перерасти на-голову других учеников Маркса.

Лафарг развивался в стране мелкобуржуазной, над которой прошли грозы трех революций, но в которой капитализм не создал еще условий новой, пролетарской. Великий талант Лафарга не мог развернуться в гений.

Каутский, который первый после Энгельса и Маркса пытался самостоятельно применять марксизм, мог его использовать только для изучения истории общества. На живом деле, на вопросах германского движения,

марксизм служил ему только орудием выяснения пролетариату, что ему нельзя ни обойти классового врага, ни перескочить через него, что надо медленно накоплять силы для решительного боя. Этот решительный бой находился так далеко, что когда Каутский робко подошел в своих сочинениях о социальной революции к вопросу о завоевании власти, то очертания этого вопроса были для него самого настолько неясны, что он проглядел одну из самых важных задач пролетарской революции, — откуда добыть победоносному пролетариату хлеб на следующий день после победы.

Плеханов, блестящий толкователь науки Маркса, блестящий ее защитник «против всякого рода критиков», жил далеко от источников бури, далеко от России. И весь его громадный интерес к революционной борьбе в России оказался недостаточным, чтобы обратить все силы его мозга на изучение практических задач революционной борьбы русского пролетариата. И нет ничего более характерного, как тот факт, что после «Наших разногласий» Плеханов не посвятил ни одного своего труда детальному изучению одного из главнейших вопросов русской революции— аграрного.

Ленин как теоретик, Ленин как политик занялся с первых своих шагов именно изучением главного поля действий русского пролетариата и главных сил, которые должны принимать участие в русской революции. Сравнение постановки аграрного вопроса у Каутского, Кшивицкого, Компер-Мореля, с одной, и у Ленина, с другой стороны, показывает наглядно не только отличие экономических условий Западной Европы и России, не только особенности аграрного вопроса в России и в Западной Европе, но и отличие Ленина, как революционного вождя, от виднейших представителей научного социализма Европы. Ленин изучает аграрный вопрос не только с точки зрения объяснения развития судеб капитализма, правильности и неправильности экономической науки Маркса в области земледелия, *но прежде всего с точки зрения борьбы пролетариата за власть, с точки зрения выбора пролетариату союзника в его борьбе.*

Каутский видел этого союзника только в сельских рабочих. Но насколько его отказ от попыток завоевать деревенского бедняка, как оппортунизм, был результатом только хорошего или плохого применения марксизма или, тоже, результатом пассивности

германской социал-демократии, ее практического отказа от борьбы за власть, сужения горизонтов германского пролетариата до горизонтов цеховых интересов, — показывает лучше всего тот факт, что германская социал-демократия не сумела даже начать борьбу за завоевание того слоя деревни, который Каутский считал союзником пролетариата: сельских рабочих. Ленин открыл в русской экономике, в крестьянстве, союзника для борьбы пролетариата за власть и в продолжение десятилетий на всех изгибах русской истории учил создавать союз борющегося пролетариата с крестьянством.

Плеханов, отклонив иллюзии народников насчет самостоятельной революционной роли крестьянства, не сумел сосредоточить внимание русского рабочего класса на вопросе о союзе с крестьянством, как с тем классом, без которого пролетариат не в состоянии завоевать власть и против воли которого он не в состоянии будет ввести социализм. Ленин это сделать сумел, и тут он, как великий самостоятельный мыслитель пролетариата, превращается в его политического руководителя. Руководить борьбой класса — это значит, изучив условия его победы, никогда не забывать об этих условиях: ни

в моменты головокружительных триумфов, ни в моменты потрясающих поражений. Отношение Ленина к крестьянскому вопросу является *новым моментом* в истории всемирного рабочего движения.

Аграрный вопрос не будет играть везде той конкретной роли, которую он играет в русской революции. Во всех передовых капиталистических странах батраки *будут играть* более выдающуюся роль, чем в России, но везде вопрос завоевания того, кто производит хлеб, будет играть решающую роль в пролетарской революции, и на эту роль завоевания хлеба указал международному пролетариату своей теорией и практикой, в первую очередь, Ленин.

Но в отношении Ленина к аграрному вопросу есть еще одна сторона, которая является основным вкладом в будущую борьбу международного пролетариата. В своей борьбе против оппортунизма представители революционного марксизма в Западной Европе выплескивали ребенка вместе с водой. Даже тогда, когда они отклоняли взгляды Лассаля на всю буржуазию, как на «одну реакционную массу», они на практике боялись союза пролетариата с непролетарским элементом. Ленин, борясь самым реши-

тельным образом против меньшевистской политики союза с либеральной городской буржуазией, как с классом, не способным итти с пролетариатом до низвержения абсолютизма, с беспрерывной энергией ставил вопрос о союзе с крестьянством, с тем мелкобуржуазным классом, интересы которого требовали низвержения царизма. Он таким образом и пролетариат других стран научил смотреть на вопрос об отношении к непролетарским элементам не с точки зрения абстрактного отклонения союза вообще, а с точки зрения конкретной, с точки зрения оценки интересов данного класса, с точки зрения вопроса, на какой промежуток исторической дороги чужой пролетариату класс или часть класса может итти с ним вместе против врага, которого надо убрать. В своей брошюре о «детской болезни коммунизма» Ленин выдвинул, как одно основное условие в борьбе пролетариата за власть и в борьбе за удержание власти, именно завоевание массового союзника, каким бы шатким он ни был.

Главной наукой Ленина, как политика, подготовлявшего завоевание власти пролетариатом, является его наука о значении пролетарской партии. Понять споры Ленина

с меньшевизмом в 1903 г. о роли партии, о круге лиц, входящих в состав пролетарской партии, это значит — понять один из главных рычагов ленинской политики. Ленин учил пролетариат искусству маневрирования в классовой борьбе. Эту задачу он ставил перед пролетариатом с первого момента своей исторической работы; но одновременно он учил его, что нет никакой маневренной борьбы пролетариата, прежде чем пролетариат сложился, как *маневрирующий субъект*. Если наука его об отношении к крестьянству и к либеральной буржуазии есть наука о маневрировании пролетарской партии, то его организационные взгляды являются наукой о том, как предохранить пролетариат от того, чтобы он сделался безвольным объектом маневрирования со стороны врага.

В спорах о первом параграфе устава социал-демократической партии Ленин ставил вопрос не менее важный, чем во всех политических спорах с меньшевизмом. Наоборот, можно сказать, что этот вопрос о первом параграфе устава предрешал возможность проведения в жизнь всей политической линии Ленина. Рабочий класс России жил под гнетом царизма, который не позволял ему создать мощную массовую

2*

организацию. Рабочий класс выступал стихийно для борьбы с самодержавием в экономических и политических забастовках. Меньшевики мечтали о создании широкой массовой партии пролетариата, но для нее не было места в условиях царизма: все разговоры о широкой демократической организации в этих условиях означали пустое прожектерство и открывали на деле двери в ряды рабочей партии всем, которые высказывали свое сочувствие рабочему движению или поддерживали его материально. Это означало подчинение революционного рабочего движения, еще не сложившегося, еще не окрепшего, влиянию мелкой буржуазии. При условиях царизма, который возмущал против себя широкие круги мелкобуржуазной интеллигенции, при опошлении европейского либерализма, всякий адвокат прикрывался знанием социализма. Кто принимал его в партию на условиях простого признания программы рабочей партии и материальной ее поддержки, тот отдавал распыленное рабочее движение в руки мелкой буржуазии. Ленин, требовавший, чтобы членом партии считался только тот, кто работает в нелегальной организации пролетариата, стремился к тому, чтобы уменьшить опасности

подчинения рабочего движения мелкобуржуазной интеллигенции. И даже тот, кто рвал с буржуазным обществом, кто рисковал принадлежностью к нелегальной организации пролетариата, кто делался профессиональным революционером, и тот еще не давал гарантий, что он останется верен делу пролетариата,—но он, все же, давал известные гарантии.

Намечая путь пролетариата на основе марксистского анализа и создавая нелегальную организацию профессиональных революционеров, Ленин создавал условия для централизированного революционного руководства пролетарской борьбой. Лучшие люди европейского социализма, даже Роза Люксембург, зорко следившая за борьбой русского пролетариата, видели в организационных взглядах Ленина выражение заговорщической тактики, боялись отрыва большевистской организации от массовой борьбы пролетариата. Эти опасения оказались неправильными. Меньшевики создавали в моменты подъема широкую организацию, но организацией этой руководила неустойчивая оппортунистическая интеллигенция. Ленин создал организацию, которая умела руководить борьбой пролетариата в самые

трудные моменты, которая умела отстаивать революционные принципы в годы затишья революции и которая являлась широкой массовой организацией в период исторических сдвигов, втягивающих пролетариат в классовую борьбу.

Ленин никогда не держался доктринерско-организационных форм; от нелегальной организации перед 1905 г., охватывавшей только тысячи, через массовую организацию, охватывавшую в первую и вторую революции десятки тысяч человек, он довел коммунистическую партию до размеров организации, включающей сотни тысяч, а после Октябрьской революции влияющей на миллионы. Формы менялись, но через все эти меняющиеся формы Ленин проводит одну мысль: чтобы пролетариат мог победить, ему нужна *революционная* организация. Организация эта должна быть *сплоченной* и *централизированной*, ибо враг в десять раз сильнее, чем она.

Создавая массовую партию, способную маневрировать в борьбе с врагом, Ленин с первого своего шага ставит себе задачу — *подготовку вооруженного восстания для захвата власти*. Он умел в моменты, когда мы бывали слабы или когда после поражения ока-

зывались отброшенными назад, учить партию бороться за каждую пядь земли, за каждую позицию, учил проделывать самую черную ежедневную работу, накопляющую силы пролетариата, но ни один день своей жизни он не забывал о том, что *вся эта работа имеет одну цель — подготовку завоевания власти пролетариатом.*

Нет ничего более поучительного для современного коммуниста, чем сравнение работы Ленина в периоды победоносной контр-революции с работой его в периоды величайшего подъема рабочего движения. Когда была раздавлена первая революция, он боролся самым решительным образом со всеми, которые, не признавая победы контр-революции, в ожидании нового подъема революционных сил, отказывались от трудной работы собирания сил, использования для этой цели всех средств; но с той же самой энергией он боролся против тех, которые теряли революционные перспективы, разменивали революционную борьбу пролетариата на борьбу за пятачок. В это время реакции Ленин тщательнейшим образом изучал уроки 1905 г. для того, чтобы движение при следующем подъеме могло их использовать.

Чего стоит в этом смысле статья его в 1908 г., напечатанная в журнале польских социал-демократов, в которой он *тогда*, на основе уроков московского восстания, поднимает вопрос о технической подготовке будущих вооруженных восстаний!

Во время империалистической войны, когда рабочее движение во всем мире было разбито не только военным аппаратом буржуазии, но и предательством социал-демократии, Ленин, помогая всякому практическому шагу своих единомышленников, занимаясь всякой конкретной заботой о создании нелегальной организации, использованием легальных возможностей, одновременно разрабатывает в своем швейцарском одиночестве науку Маркса о государстве, о диктатуре пролетариата и подготовляет таким образом октябрьское восстание 17-го года. Даже такие люди, как Меринг и Роза Люксембург, ни на один момент не сложившие оружия перед торжествующим германским империализмом и торжествующим социал-патриотизмом II Интернационала, считали романтизмом тот факт, что Ленин в первом манифесте Центрального Комитета большевиков, изданном в первые месяца после начала международной войны, выдвигал лозунг граждан-

ской войны. Они еще не смели в это время выдвинуть даже лозунг раскола германской социал-демократии.

Ленин в эту черную ночь уже готовил октябрьское восстание пролетариата. Но тот же самый человек, вернувшись в Россию в первые недели февральской революции и развернув перед лицом изумленных товарищей по партии идею советской власти, одновременно учил партию с неслыханным терпением разъяснять положение массам, живущим еще в социал-патриотическом дурмане, и двигаться шаг за шагом, по мере нарастания революционного кризиса в массах. Ленин, приехавший в Россию с идеей республики советов, выдвигает лозунг учредительного собрания, как этап к республике советов. Лозунг республики советов был для него тогда путеводной звездой, но он понимал, что за этой звездой массы пойдут только разочаровавшись, разубедившись в идее демократии, в идее учредительного собрания. Он не требовал от них, чтобы они перескочили демократический этап, он хотел совместно с ними этот этап изжить; он ликвидирует этот лозунг только после захвата власти, когда учредилка продемонстрировала массам, что она является помехой на пути

к миру, за который они в первую очередь боролись.

Весь марксизм учил пролетариат тому, как бороться за власть. Но именно этот смысл марксизма был утаен перед международным пролетариатом не только благодаря оппортунизму социал-демократии, заменившей диктатуру пролетариата буржуазной демократией, но и благодаря тому, что европейское рабочее движение после 71 года развивалось на почве буржуазной демократии и в ее рамках. Ленин открыл заново науку Маркса о диктатуре пролетариата не только потому, что он был революционным учеником Маркса, а потому, что русский пролетариат стал на путь борьбы за власть.

Ленин как руководитель октябрьского восстания и Ленин как руководитель советской власти является высшим выражением всех своих наук подготовительного периода. Революционный политик должен считаться с миллионами, — говорил Ленин. И он в масштабе миллионов, как руководитель Советской России, учит мировой пролетариат с неслыханной наглядностью всему, чему учил узкий круг русских большевиков в предыдущие десятилетия. Символом *серпа*

и молота он напоминает всему европейскому пролетариату: *ищи союзника в деревне*, ибо этот союз даст тебе хлеб для революции; *красной звездой* Красной армии он учит его, что *силу врага надо ломать силой пролетариата*, ведущего за собой те классы общества, интересы которых требуют борьбы с помещичьей и капиталистической реакцией. Стоя во главе громадного государственного аппарата, он беспрерывно показывает и доказывает пролетариям всех стран, что власть можно удержать, только опираясь на сплоченный *авангард пролетариата, на коммунистическую партию*. Так проверяет Ленин делом свои теоретические науки и делается благодаря этой проверке учителем международного пролетариата, основателем Коммунистического Интернационала.

II. Ленин как основатель Коминтерна.

Уже во время первого пребывания в Западной Европе, перед ссылкой, Ленин с большим интересом начал практически изучать западно-европейское рабочее движение, которое раньше знал только из книг и журнальных статей. Он часто рассказывал о впечатлении, которое произвели на него швейцар-

ские и французские рабочие собрания; о том, как противоречило то, что ему пришлось наблюдать, той картине, которую он себе создал об европейском рабочем движении, сидя в России. Но великий реалист ни на один момент не поддался скептицизму, а искал в буднях западно-европейского рабочего движения его революционной сути. Ближе подошел Ленин к рабочему движению и его вождям в Германии, Швейцарии, Франции и Англии только в 1901 г., когда, вернувшись из ссылки, он вместе с Мартовым, Аксельродом и Плехановым принял участие в издании «Искры». «Искра» была не только боевым органом русской социал-демократии, но и боевым органом международного социализма. Время ее издания совпало с разгаром борьбы между революционным и ревизионистским направлением международного социализма. Практические вопросы западно-европейского рабочего движения разбираются в это время в «Искре» прежде всего Плехановым. Ленин обращает главное внимание на теоретическую сторону дела, но одновременно тщательно изучает проявления рабочего движения. Он бывает на рабочих собраниях Мюнхена, внимательно прислушивается не только к речам социалистических

ораторов на митингах в Гайд-Парке в Лондоне, но и к речам проповедников разных религиозных сект, находящих живой отзвук в рабочей массе Англии.

Что ревизионизм представлял собою отражение интересов рабочей аристократии и рабочей бюрократии—это для Ленина было ясно с первого боевого выступления Бернштейна. Теперь Ленин видит это наглядно на типах рабочего движения. На международных конгрессах в Амстердаме и Штуттгарте он наблюдает руководящий штаб II Интернационала и, вероятно, чувствует себя очень одиноким. Дебаты о колониальной политике, о борьбе с опасностью войны на Штуттгартском конгрессе показывают ему, куда ведет дорога вождей реформизма. Уже в статьях о заседаниях Международного Бюро после первой революции звучит по отношению ко всем этим Трульстрам и Брантингам нота глубокой ненависти.

Интернационал еще един, не разбит на части, но Ленин уже знает, что в нем сидят враги рабочего класса,—вся эта почтенная компания II Интернационала, начиная с открытых ревизионистов и кончая Каутским, с которым Ленин познакомился еще в 1901 г. в Мюнхене и в котором угадал, по

крайней мере, чужого человека. Теоретик польского марксизма тов. Варский заметил очень тонко в статье об уроках большевистского юбилея, что в то время, когда все левое крыло II Интернационала, включая лучших его людей, было именно оппозицией реформизму, во II Интернационале только один Ленин был началом Третьего. Достаточно прочесть маленькую рецензию Ленина в «Просвещении», посвященную книге вождя германских профсоюзов Карла Легина, об его поездке в Америку, чтобы сказать, что так не писал об этой почтенной компании ни один человек, кроме Ленина.

Разногласия между ревизионизмом и радикальным марксизмом, возглавляемым тогда Карлом Каутским, были только разногласиями о толковании доктрины марксизма. На деле, в ежедневной практике, оба направления уживались друг с другом, и на этом покоилось единство II Интернационала. Уже несколько лет собирался конгресс, на котором очень редко доходили до ожесточенных боев. Обыкновенно дело кончалось принятием совместной резолюции. На деле так называемые радикальные марксисты не предлагали даже революционной подготовки

масс при помощи яркой и четкой революционной агитации. В 1910 г. в Германии намечается раскол в лагере так называемых ортодоксальных марксистов. Раскол на практической почве, на почве действия. Образуется так называемая *лево-радикальная часть* и так называемый центр, с Каутским во главе. Водораздел идет по вопросам борьбы с империализмом и по вопросу о массовых забастовках. В первый момент Ленину казалось, что мы, левые радикалы, неправильно формулируем отношение к империализму, но безусловно правы в вопросе о всеобщей забастовке. В то время, когда Мартов в органе Каутского выступает со статьей против Розы Люксембург, — Ленин печатает в русском Ц.О. статью Паннекука в защиту позиции левых радикалов и морально поддерживает левую.

Начинается война. Приходит черный день 4 августа. Заброшенный в Карпатские горы, Ленин получает известие о полном предательстве германской и международной социал-демократии. В первый момент он не верит этим известиям и думает, что они, быть может, представляют собою подлог международной буржуазии, ее военный маневр; но вскоре он убеждается в их тра-

гической действительности и, выбравшись из австрийской тюрьмы в Швейцарию, немедленно занимает свой боевой пост. Я имел возможность переговорить с ним уже под конец 1914 г., когда позиция Ленина уже была выражена в историческом манифесте Центрального Комитета партии и в нескольких номерах «Социал-Демократа». Я прекрасно помню глубочайшее потрясение, которое вызвал во мне разговор с Лениным. Я приехал из Германии для того, чтобы наладить сношения с революционными группами в других странах. В Германии мы с первого дня войны безусловно отрицали позицию социал-демократического большинства. Отрицали защиту отечества в империалистической войне. Мы сталкивались в борьбе с Каутским и Гаазе, которые не выходили за пределы робкой оппозиции против социал-патриотического руководства партии и отличались от него только тем, что вздыхали о мире. Мы выдвигали в нашей пропаганде, которую вели и в подцензурной прессе, и в гектографированных листках, перспективу революционной войны против войны. Но разговор с Лениным означал для меня, — и через меня для многих немецких товарищей, — крутой поворот влево.

Первый вопрос, который Ленин мне поставил, был вопрос *о перспективе раскола германской социал-демократии.* Этот вопрос буквально резал острым ножом по сердцу меня и товарищей, стоящих даже на крайнем фланге партии. Мы тысячу раз говорили о реформизме, как о политике рабочей аристократии, но, несмотря на это, питали надежду, что вся германская партия после первого патриотического угара повернет налево. Тот факт, что Карл Либкнехт 4 августа не голосовал против войны открыто, объясняется именно тем, что он надеялся, что под ударами правительственных преследований вся партия порвет с правительством и с защитой империалистического отечества. Ленин ребром поставил вопрос, что, собственно, представляет из себя политика II Интернационала: *ошибку или предательство интересов рабочего класса?* Я начал ему объяснять, что мы стоим на грани двух эпох: эпохи мирного развития социализма в рамках демократии и эпохи бури и натиска; что дело идет не только о предательстве вождей, а о позиции масс, которые, не найдя достаточно сил для сопротивления войне, подчинились политике буржуазии; что тяготы этой политики прину-

дят массы порвать с буржуазией и вступить на путь революционной борьбы. Ленин оборвал меня словами: «Это — историцизм: все находит объяснение в смене эпох; *но могут ли вожди реформизма, которые еще перед войной систематически вели пролетариат в лагерь буржуазии, которые с момента войны перешли в этот лагерь открыто, могут ли они стать проводниками революционной политики?»* Я ответил ему, что в это не верю. «Тогда, — заявил Ленин, — надо *бить отжившую эпоху в лице вождей реформизма*. Если мы хотим облегчить рабочему классу переход к политике борьбы с войною, борьбы с реформизмом, тогда надо рвать с реформистскими вождями и с теми, которые не борются с ними честно. Вопрос, когда рвать, как организационно подготовить этот разрыв, — это вопрос тактический, но стремление к этому разрыву является принципиальной обязанностью всякого пролетарского революционера». Ленин настаивал на самой резкой форме идейной борьбы с социал-патриотами, *настаивал на необходимости открытого выяснения их предательства, именно предательства.* Это слово он повторял много раз и в будущем, при совместной работе; при составлении резолюций он всегда давал бой

на этом политическом определении, считая его мерилом революционной искренности и последовательности, воли к разрыву с социал-демократией.

Так же остро ставил Ленин вопрос о противопоставлении лозунгу гражданского мира *лозунга гражданской войны.* Мы, германские левые радикалы, привыкли со времен нашей полемики с Каутским по вопросам массовой забастовки выдвигать лозунг менее определенный: лозунг «массовых действий». Неопределенность этого лозунга отвечала зачаточному состоянию революционного движения в Германии 1911 — 1912 г.г., когда демонстрация берлинских рабочих в Тиргартене, во время борьбы за всеобщее избирательное право в прусский ландтаг, казалась нам началом революционной борьбы германских рабочих. Ленин указывал нам на то, что если этот лозунг был достаточен, как противопоставляющий действия масс парламентским комбинациям вождей германской социал-демократии в предвоенную эпоху, то он является совершенно недостаточным в эпоху железа и крови, в эпоху войны. «Если, — говорил он, — недовольство войною усилится, то и центристы могут организовать движение масс для того, чтобы

нажать на правительство и принудить его закончить войну мирным соглашением. Если перспектива наша, перспектива смены империалистической войны революцией является не благим пожеланием, а перспективой, для которой мы хотим работать, надо определенно и ясно выдвинуть лозунг гражданской войны». Он неслыханно обрадовался, когда в письме своем к Циммервальдской конференции Либкнехт употребил выражение: «против гражданского мира, за гражданскую войну»; это было для Ленина доказательством того, что в основном Либкнехт с нами согласен.

Раскол II Интернационала как средство оформления революционного движения пролетариата, гражданская война как средство победы над империалистической войной — это были две основные мысли, которые Ленин пытался вдолбить в головы передовых революционных элементов во всех странах, с которыми он имел связи. Но, несмотря на то, что Ленин уже тогда стоял твердо и ясно на позиции будущего Коммунистического Интернационала, он пошел на Циммервальдскую и Кинтальскую конференции всех антивоенных социал-демократических организаций. Он великолепно понимал, что сначала надо блоком вместе с центристским напра-

влением раскачать мозги рабочих, расшатать единство социал-демократии, собрать вокруг себя значительные части рабочей массы, чтобы не довольствоваться пропагандой, а начать борьбу.

Он следил не только за всеми документами развертывающихся в борьбе направлений. (Для этого он не щадил своих сил; достаточно сказать, что брошюру голландского марксиста Гортера о войне, написанную по-голландски, он читал от первой до последней страницы со словарем в руках, не зная ни одного слова по-голландски.) Он следил внимательнейшим образом за всяким малейшим проявлением революционной самодеятельности масс, пытаясь уловить уже реально достигнутую степень их политического развития. Когда в Берне меня навестил старый лейпцигский товарищ, стоящий с 90-х годов на крайнем левом фланге германской социал-демократии, но абсолютно не разбиравшийся в принципиальных вопросах, Ленин добыл от него буквально всю картину движения. Я помню удивление этого социал-демократа, когда Ленин не давал ему покоя, чтобы узнать, что кричат рабочие и работницы на демонстрациях. «Кричат, как в этих случаях

полагается», — отвечал социал-демократ. Но Ленин настаивал: «А все-таки скажите, что они кричат?». И добыл от него необходимые ему сведения. Он с большим вниманием следил за мелочами в рабочей печати Европы и Америки, чтобы по ним узнать тот облик массы, которого не передавали политические статьи, более внимательно просматриваемые военной цензурой. Великий революционный вождь искал и заграницей, в чужих ему странах, этой интимной связи с рабочей массой, которая одна позволяет найти рычаг движения. Он не жалел целых вечеров, чтобы в душном кабаке в разговорах с швейцарскими рабочими, во всяком случае не являющимися цветом революционной мысли, нащупать реальную почву движения. Когда товарищи, руководившие тогда левым крылом швейцарского рабочего движения, шатались и колебались, он настаивал на том, чтобы всякий из нас искал связи хотя бы с маленькими группами рабочих, на которых он единственно надеялся.

Уже в 1916 г., когда мы собрали в разных странах маленькие группы единомышленников и создали в рамках циммервальдского блока так называемую *циммервальдскую левую*, Владимир Ильич настаивал на том,

чтобы приступить к разработке программы будущего революционного Интернационала.

Из этой его предварительной работы вышла в будущем его книга: «Государство и революция». Уже в 1916 г. он выдвигал идею государства-коммуны, которая вначале была для нас не более понятной, чем русским товарищам, после февральской революции, знаменитые апрельские тезисы Ленина. Каждый из нас много раз читал книгу Маркса о Парижской Коммуне, но именно того нового, чем была в ней идея «государства-коммуны», никто не заметил, и Ленину стоило много труда выяснить нам свою точку зрения. Очень характерно для него, как тактика, что на основе опыта 1905 г. он уже тогда указывал нам на возможную роль советов как органов государства-коммуны. Но в момент февральской революции Ленин, имея лишь смутные сведения о фактическом положении в России, в ответ на вопрос тов. Пятакова и Коллонтай, отправлявшихся в Россию и просивших директив, ответил: «Никакого доверия временному правительству. Учредилка — чепуха. Надо брать в руки *петроградскую и московскую городские думы»*. Ленин искал для борьбы за государство-коммуну органов, близко связанных

с ежедневной жизнью массы, даже не справляясь в первую очередь о названии этих органов.

Одним из результатов его программных работ этого времени является также постановка вопроса о *самоопределении наций.* До войны этот вопрос Ленин выдвигал в русском масштабе, как средство освобождения русских пролетариев от влияния великорусского шовинизма и как средство добиться доверия нерусских народных масс в России, в которых он видел союзника в борьбе с царизмом. Во время войны он подошел к этому вопросу *в мировом масштабе.* Брошюра Розы Люксембург о банкротстве германской социал-демократии, в которой она отрицала возможность освободительных национальных войн в эпоху империализма вообще, дала ему повод снова выдвинуть вопрос о самоопределении. С неслыханной тактической гибкостью этот человек, отрицающий самым решительным образом так называемую защиту отечества для империалистических государств, указывал нам, страдающим западно-европейской узостью горизонта, на то, что если период национальных войн миновал в Западной Европе, то он не миновал на юго-востоке Европы, не миновал для нацио-

нальных меньшинств в России, не миновал в колониях и в Азии. Ленин до войны не занимался конкретно изучением колониальных движений; в этих вопросах многие из нас знали в десять раз больше него, и он самым добросовестным образом пытался, и по книгам и в разговорах, собрать необходимый для него конкретный материал. Но этот материал он поворачивал против нас, и он помог ему в вопросе о самоопределении наций в борьбе с позицией Каутского, для которого этот лозунг был орудием пацифизма. Жестокой своей критикой, направленной против моих тезисов в вопросе о самоопределении наций, он учил нас значению этого вопроса, являющегося динамитом против империализма. Хитроумные центровые философы, вроде Гильфердинга и т. п., пытались доказать европейскому пролетариату, что Ленин на II конгрессе Коминтерна выдвигал колониальный и национальный вопросы в интересах русского государства, но мы знаем, что Ленин вел по этому вопросу ожесточенную борьбу с Гортером, Паннекуком, Бухариным, Пятаковым и мною, когда был бездомным, гонимым эмигрантом в Швейцарии. Этот вопрос имел для него значение искания *крестьянского союзника для мирового*

пролетариата в международном масштабе. Без связи с революцией порабощенных молодых народов Востока и колоний нет победы международного пролетариата. Вот чему учил нас Ленин уже в 1916 году.

С самого начала февральской революции Ленин стремился к разрыву блока с центристами, к ликвидации циммервальдского объединения; он считал, что русская революция, ставя вопрос о революции во всех воюющих странах, даст нам, коммунистам, массовую силу и оттолкнет в лагерь предателей колеблющиеся элементы центра. Он не позволил нам подписать манифеста циммервальдской комиссии о русской революции, чтобы совместная с Мартовым подпись не смутила русских рабочих и не помешала борьбе с Чхеидзе и меньшевиками. Этот разрыв не состоялся в продолжение 1917 г., ибо мы пытались, при помощи циммервальдского бюро, втянуть в борьбу против германского империализма независимую социал-демократию Германии, от которой тогда еще не отделился союз Спартака. После захвата власти в октябре 1917 г. циммервальдское объединение фактически умирает. Борьба русского рабочего класса и являлась главным средством пробуждения пролетариев всех стран.

Весь 1918 г. ушел на подготовку созыва *учредительного съезда Коминтерна.*

Этот съезд, состоявшийся в марте 1919 г., к моменту начала борьбы с Деникиным и Колчаком, не создал принципиально ничего нового. Он базировался на идейной работе большевиков в циммервальдской левой в предыдущие годы войны. Решения его, манифест и в первую очередь тезисы Ленина о диктатуре и демократии оформили основы будущей работы Коммунистического Интернационала. В момент Октябрьской революции многие, читая декрет о мире и земле, думали, что, может быть, этим документам суждена роль прокламаций, которые никогда не будут осуществлены. Когда, в тяжелейший момент русской революции, вместе со сведениями о продвижении Колчака к Волге, о поражении молодой Красной армии на юге, получились решения I съезда Коминтерна, то не только многие западноевропейские коммунисты, но и многие из нас, членов Р.К.П., работавших тогда нелегально на Западе, спрашивали себя, не являются ли эти документы заветом русской революции, находящейся в смертельной опасности. Исполком Коминтерна, отрезанный тогда стеною блокады от западно-евро-

пейского рабочего движения, практически очень мало мог влиять на его шаги, очень мало мог помогать западно-европейским рабочим. Они пробивали себе путь самостоятельно, учились сами решать свои задачи, и только с 1920 г., с победой Красной армии над Деникиным и Колчаком, начинается ежедневная массовая работа Коминтерна. И тут *Ленин встает во главе международного рабочего движения уже как практический его вождь, как добрый гений*, помогающий молодому коммунистическому движению осмыслить первые свои шаги, наметить дальнейший свой путь.

Три основных документа пишет Ленин для II конгресса Коминтерна. Съезжающиеся со всего мира делегаты находят в переводах брошюру Ленина «*О левизне, как детской болезни коммунизма*». Они знают «*Государство и революцию*» Ленина, эту сухую книжечку, которая, как факел, осветила им великую цель — диктатуру пролетариата. Брошюра о левизне освещает путь молодым коммунистическим партиям, которые думают, что могут одним прыжком схватить врага за горло, что революционная волна понесет их прямо к цели. Юным коммунистическим партиям, отклоняющим в револю-

ционном задоре всякие компромиссы, противопоставляет Ленин опыт русской революции. Он указывает им, что для завоевания диктатуры пролетариата надо сначала *завоевать большинство рабочего класса*. Он указывает им, что для того, чтобы завоевать большинство рабочего класса, надо использовать *все средства*, которые предоставляет передовикам-рабочим та же самая буржуазная демократия, которую они собираются свергать. Он указывает им, что если путь к баррикаде ведет через парламент, то и из этой кучи навоза надо проповедовать рабочим массам идею коммунизма. Он указывает им на массовые организации пролетариата, на профсоюзы, которые путем беспрерывной работы надо вырвать из рук желтых вождей. Он указывает им, что революционное меньшинство не может отказываться от *компромисса*, если этот компромисс может облегчить ему завоевание большинства. Трудно исчерпать в кратких словах содержание этой незабвенной работы великого вождя. Можно сказать, что содержание ее не усвоено еще даже $^9/_{10}$ вождей Коммунистического Интернационала. Эта сжатая маленькая брошюра представляет

собою квинт-эссенцию всей философии большевизма, его стратегии и тактики, и минуют многие годы, годы побед и поражений, пока можно будет сказать, что эти мысли Ленина проникли в кровь и плоть вождей Коминтерна. Сколько раз читаешь эту брошюру, столько же раз находишь в ней новые богатства мысли, новые оттенки. Достаточно сказать, что после двух лет применения тактики единого фронта мне пришлось только в прошлом году установить, что она уже развита в этой брошюре, о чем я совершенно забыл, когда в январе 1921 г. в первый раз, ощупью, применял эту тактику в известном «Открытом письме» к социал-демократическим партиям и профсоюзам. Неисчерпаемы уроки, развитые или содержащиеся в скрытом виде в этом учении о войне пролетариата, которое для нашей стратегии будет иметь не меньшее значение, чем книга Кляузевица «О войне» — для стратегии военной. Трудность применения уроков Ленина состоит в том, что нельзя учиться стратегии пролетариата путем пропагандистским, путем размышлений о борьбе русского пролетариата. Ежедневный опыт коммунистических партий в разных странах все время видоизменяет формы, в которых он

возвращает нас к основным вопросам, и нужна самостоятельная работа мысли всякой коммунистической партии для того, чтобы подняться до уровня революционной стратегии величайшего из пролетарских вождей.

Другой документ, предложенный Лениным II съезду, это — его первый набросок *условий вступления в Коминтерн*. Сколько ни осмеивали эти тезисы, сколько ни протестовали против них, но, когда перечитываешь их, когда спрашиваешь, которая из партий, входящих в состав Коминтерна, научилась уже исполнять хотя бы одну десятую часть этих условий, — все больше видишь их великое политическое значение. Если книга Ленина «Государство и революция» указала нам цель коммунистического движения или, точнее говоря, первый великий его этап; если брошюра о левизне указывает весь тернистый путь борьбы за диктатуру, — то эти тезисы Ленина ставят вопрос о том, чем должна быть коммунистическая партия. Без проверки того, насколько исполняются эти тезисы, вообще не стоит принимать новых резолюций. Эти тезисы—пробный камень, мерило развития партии Коминтерна от социал-демократических левых партий к партиям действительно коммунистическим.

Третий документ Ленина, это — его набросок тезисов *о колониальном вопросе.* И они еще не вошли в кровь и плоть ни пролетарских коммунистических партий Запада, буржуазия которых держит в своих хищных лапах сотни миллионов колониальных народов, ни в сознание наших молодых коммунистических партий Востока. Работа английских, французских и голландских товарищей в колониях встречает громаднейшие затруднения со стороны не только полиции империалистических держав, но и со стороны неподготовленности наших товарищей к работе среди колониальных масс, стоящих на неслыханно низком культурном уровне. Наши товарищи в колониях очень часто сбиваются на левый коммунизм. Воспитанные на литературе, провозглашающей борьбу за диктатуру, они с трудом учатся соединять борьбу за объединение молодого пролетариата и ремесленников Китая, Кореи, Персии, Индии, Египта против чужестранной и своей буржуазии с попытками связаться с национальным освободительным движением молодой буржуазии своих стран против буржуазии угнетающих ее метрополий. И снова пройдут десятки лет, пока удастся на практике связать национальную освобо-

дительную борьбу колониальных народов с пролетарской революцией в Европе и Америке. Но одно уже ясно: Ленин гениально указал путь международному пролетариату. В буквальном смысле этого слова, в первый раз в истории классовой борьбы в лице Ленина и его науки создан объединяющий центр для трудящихся *всего мира*. В первый раз мы начинаем выходить из тупика, в котором находится европейский пролетариат, на дорогу действительно *всемирного движения*. Книга индусского товарища Роя об Индии дала нам первую теоретическую проверку науки Ленина на конкретном примере. Борьба газеты, самостоятельно издаваемой Роем, дает первую проверку периодического применения науки Ленина, и мы можем сказать, что эта проверка доказывает, как далеко и глубоко смотрел наш вождь. Во время гамбургского конгресса II Интернационала гамбургская социал-демократическая газета напечатала приветственные стихи конгрессу. Поэт обращался к китайским кули, работающим на рисовых полях, к неграм, работающим при сборке хлопка в Южной Америке, к черным, добывающим золото, и звал их под освободительное знамя Интернационала,—но это были пустые звуки.

Тот же самый II Интернационал празднует теперь свою большую победу. Его вождь Рамзай Макдональд составил первое рабочее правительство. И кого же назначил он министром по делам порабощенных трехсот миллионов индусов? Сэра Сиднея Оливера, чиновника старого колониального ведомства, губернатора Ямайки. Этот колониальный чиновник — испытанный защитник интересов владельцев сахарных плантаций на Ямайке. Он будет теперь звать под знамя II Интернационала индийских рабочих его величества короля Англии, или, может быть, это будет делать лорд Чельмсфорд, бывший вице-король Индии, назначенный первым лордом адмиралтейства милостью Рамзая Макдональда, вождя II Интернационала? Только Коммунистический Интернационал сможет организовать колониальных рабов, и заслуга Ленина, указавшего нам этот путь, незабвенна перед историей, перед международным рабочим классом и перед человечеством.

Третий съезд Коминтерна увидел Ленина снова на боевом посту. Волна революции 1918 — 1919 г.г. схлынула. Германская коммунистическая партия, став массовой партией пролетариата, не заметила перемены

положения, не заметила начавшегося уже наступления капитала, дала себя спровоцировать и ринулась в бой с оружием в руках, не имея за собою даже симпатии большинства трудящихся масс. Все мы поняли ошибку партии, все мы отклонили тезисы германского Ц.К,. развивающие теорию наступления в момент политического отступления. Но мы, непосредственные работники Коминтерна, зная, что партийный центр, который создался из старых вождей союза Спартака и лучших вождей бывшей Независимой партии, является единственно возможным центром германского коммунистического движения, хотели преподать немецкой братской партии уроки, вытекающие из ее поражения, в возможно мягкой форме. Ленин заставил нас пять раз перерабатывать наши тезисы. Заставил нас бсказать в самой решительной, в самой брутальной форме немецким коммунистам и коммунистам всего мира: «*Сначала завоюйте большинство пролетариата, и только после этого можете поставить себе задачей завоевание власти*». Ленин спас коммунистическую партию и с той же решительностью поддержал *тактику единого фронта*, встречающую значительное сопротивление в рядах не только западно-европейских коммунистов. Он про-

явил неслыханную чуткость в понимании основной разницы, существующей между русскими условиями 1917 г. и условиями, в которых борются западно-европейские коммунисты. Он великолепно понял, что там, где существуют массовые организации пролетариата, сложившиеся в продолжение полувека, находящиеся в руках желтых вождей, нужна очень сложная, очень кропотливая работа, нужен ряд компромиссов, неприятных для коммуниста, но необходимых для завоевания большинства пролетариата. Он, заваленный государственной работой, не имевший времени следить за деталями развития на Западе, имел какое-то особое чувство, позволявшее ему схватывать существенное отличие в положении всякой страны, в задачах всякой коммунистической партии.

На IV съезде Коминтерна, только что встав после первого приступа болезни, которая его у нас отняла, Ленин делает доклад о положении в России. С глубочайшей радостью встретил его съезд и с глубочайшей мукой следил за тем, как любимый вождь с трудом подбирал слова, чтобы выразить на чужом языке свои чеканные мысли. Перед своим докладом, хитро прижмуривая один глаз, Ленин спросил: «А что сказать, когда спро-

сят о ближайшей перспективе мировой революции?» и, подмигивая хитро, немедленно ответил: «Скажу им, что если коммунисты будут поумнее, то и перспективы будут получше». Отправляющейся в Гаагу русской делегации профсоюзов Ленин вручает директивы о методах *борьбы с войною*. Этот последний совет Ленина международному пролетариату представляет собою новый образчик его неслыханного реализма. Он заявляет, что тот, кто после уроков империалистической войны обещает, в случае нового ее возникновения, провести всеобщую забастовку,—тот или дурак, или обманщик. Если мы не предупредим империалистической войны, то массы пойдут на войну, и нам придется итти на войну и в рядах империалистических армий работать для революции. Задача состоит в том, чтобы *теперь всей своей работой не допустить до возникновения войны*. И снова Ленин развивает пункт за пунктом план ежедневной революционной работы против военной опасности.

Миновал год работы Коминтерна без Ленина. Этот год принес нам два крупных поражения: в *Болгарии* и *Германии*. Уроки этих поражений мы должны разъяснить себе сами, без Ленина. Революционная волна

пока еще не поднялась, как мы этого ожидали летом этого года. И если она не поднимется в ближайший год, то нам придется разобраться в целом ряде сложнейших вопросов, как в период реакции, наступления капитала, собрать вокруг себя массы и *связать их повседневную борьбу с подготовкой к будущей борьбе за диктатуру*. У нас 42 партии. Каждая из них живет в особых условиях. Учесть *все особенности* этих условий и, несмотря на их отличие, проводить *одну коммунистическую работу*, неслыханно трудно. Но мы с этими задачами справимся. Ибо у нас есть наследие Ленина, неисчерпанный запас его мыслей, его *метод*, проверенный в тысяче наступательных и оборонительных сражений. Мы будем учиться на сочинениях Ленина. Как у Маркса, *не результаты, не конкретные решения представляют самую большую ценность, а именно метод решения, подход к делу этого величайшего из пролетарских революционеров*.

Коминтерн совместно с русским пролетариатом понес величайшую потерю. Если когда-нибудь правдивыми были слова, что смерть взяла с собою только тело великого вождя, то они правдивы и теперь. Поэтому над могилой Ленина Коминтерн не будет

проливать слез. Он возьмется с удесятеренной энергией за изучение того, что есть бессмертного в науке Ленина, и с его мечом в руках победит.

Не стало любимого вождя. Коллективной мыслью всех коммунистических партий Коминтерн справится со своими задачами.

Знамя Ленина — его наука — вооружила Коминтерн на *всю эпоху, отделяющую нас от победы всемирной пролетарской революции.*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

I. Ленин как основатель первого пролетарского государства 8

II. Ленин как основатель Коминтерна . . . 27

Цена ~~15~~ к. 70 к. 4399

ЛЕНГИЗ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Ленинград, Дом Книги, Проспект 25 Октября, 28. Телефон 132-44, 570-14
Москва, Тверская, 51. Телефон 3-92-07, 4-92-31

Серия „ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА"

Александри, Я. Как увековечить память о нашем велик. вожде. Стр. 49. Ц. 16 к.
Аросев, А. По следам Ленина. 2-е изд. Стр. 41. Ц. 12 к.
Баммель, Г. Ленин и революционная теория. Стр. 32. Ц. 10 к.
Бухарин, Н. Революционный теоретик. 2-е изд. Стр. 12. Ц. 5 к.
Ваганян, В. В. И. Ленин и искусство вооруженного восстания в свете первой русск. революции. Стр. 64. Ц. 16 к.
Война, Ленин и ленинизм. Неизданные статьи В. И. Ленина. Статьи Я. Ганецкого, Г. Зиновьева, Клары Цеткин и М. Фрунзе. Стр. 93. Ц. 22 к.
Горький, М. Вл. Ленин. Стр. 23. Ц. 12 к.
Емельянов, Н. Таинственный шалаш. 2-е изд. Стр. 13. Ц. 5 к.
Еремеев, К. 1) Ленин и рабочий класс. 2) Встречи с Ильичем. 2-е изд. Стр. 30. Ц. 10 к.
Зиновьев, Г. В. И. Ленин. Очерк жизни и деятельности. 2-е изд. Стр. 63. Ц. 15 к.
Зиновьев, Г. Историческое значение Ленина. (Речь, произнесенная в Ленинграде при закладке памятника В. И. Ленину 16 апреля 1924 г.) Стр. 15. Ц. 6 к.
Зиновьев, Г. Ленин — гений, учитель, вождь и человек. (Речь на заседании Ленинградского Совета 7 февраля 1924 г.) 2-е изд. Стр. 61. Ц. 15 к.
Зорин, С. Что может означать — Ленин. 2-е изд. Стр. 16. Ц. 5 к.
Каменев, Л. Ленин. Стр. 19. Ц. 7 к.
Канатчиков, С. На боевом посту союза рабочих и крестьян. 2-е изд. Стр. 13. Ц. 5 к.
Карпинский, В. Пролетарский вождь крестьянства. 2-е изд. Стр. 12. Ц. 5 к.
Князев, В. Капля крови Ильича. 2-е изд. Стр. 34. Ц. 1 к
Кольцов, М. Последний рейс. 2-е изд. Стр. 8. Ц. 5 к.
Крейбих, Карл. Воспоминания о Ленине. Стр. 18. Ц. 10 к.
Крупская, Н. 1) О Владимире Ильиче. 2) Из эмиграции в Питер. Стр. 24. Ц. 10 к.
Ленин и экономическое строительство. Сборник статей. 2-е изд. Стр. 62. Ц. 16 к.
Лепешинский, П. По соседству с Владимиром Ильичем. Стр. 24. Ц. 8 к.
Лилина, З. Ленин как человек. 2-е изд. Стр. 15. Ц. 6 к.
Лилина, З. Наш учитель Ленин. Книжка для детей. С 4 рис. 2-е изд. Стр. 24. Ц. 10 к.
Луначарский, А. Ленин. (Речь, произнесенная в день похорон на общем собрании работников искусств г. Москвы). 2-е изд. Стр. 32. Ц. 10 к.
Лундберг, Е. Ленин и легенда. Стр. 39. Ц. 16 к.
Луппол, И. Ленин в борьбе за диалектический материализм. Стр. 56. Ц. 16 к.
Луппол, И. Ленин как теоретик пролетарского государства. Стр. 47. Ц. 16 к.
Майский, И. Самое великое в Ленине. Стр. 16. Ц. 5 к.
Милютин, В. О Ленине. Стр. 12. Ц. 6 к.
Мысли Ленина об экономической политике. 2-е изд. Стр. 64. Ц. 15 к.
Невский, В. И. Ленин как материалист в своих первых работах. Стр. 47. Ц. 10 к.
Николаева, Кл. Ленин и раскрепощение трудящ. женщины. Стр. 10. Ц. 6 к.
О памятнике Ленину. Сборник статей Л. Красина, Э. Голлербаха, И. Фомина Л. Ильина, Я. Тугендхольда. С 20 репродукциями. 2-е изд. Стр. 122. Ц. 65 к.
Отчего болел и умер В. И. Ленин. 2-е изд. Стр. 32. Ц. 8 к.
Покровский, М. Ленин и высшая школа. Стр. 10. Ц. 5 к.
Полянский, Вал. (П. И. Лебедев). Ленин и литература. Стр. 18. Ц. 10 к.
Преображенский, Е. О нем. 2-е изд. Стр. 14. Ц. 5 к.
Радек, К. Жизнь и дело Ленина. 2-е изд. Стр. 55. Ц. 15 к.
Радек, К. Революционный вождь. 2-е изд. Стр. 16. Ц. 5 к.
Сейфуллина, Л. Мужицкий сказ о Ленине. 2-е изд. Стр. 15. Ц. 6 к.
Сосновский, Л. Ильич-Ленин. С портр. Ленина. Стр. 15. Ц. 5 к.
Сталин, И. Организатор и вождь РКП. Стр. 16. Ц. 5 к.
Тимирязев, А. Ленин и современное естествознание. Стр. 20. Ц. 10. к.
Тихонов, Ник. Сами. 2-е изд. С рис. Стр. 9. Ц. 6 к.
Троцкий, Л. Ленин, как национальный тип. 2-е изд. Стр. 8. Ц. 6 к.
Ярославский, Ем. Вождь рабочих и крестьян. Стр. 89. Ц. 25 к.
Ярославский, Ем. Ленин — теоретик и практик вооруженного восстания. 2-е изд. Стр. 16. Ц. 5 к.

